

Письма Димы за декабрь 1978 г.

— Ленинград, 1 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

Вопрос о "спасении", затронутый в одном из твоих писем, настолько серьёзен и глубок, что пытаться двумя-тремя фразами решить его в ту или иную сторону, конечно, никак невозможно. То, что твоё решение ("спасаться от чего? от греха... от смерти...") легкомысленно, ты и сам, наверное, знаешь. Легкомысленное не только само по себе (хотя семантическое сужение понятия "спасение" позволяет рассуждать так, как ты рассудил), но скорее легкомысленное перед лицом опытной исторической картины существования на земле гигантских, универсальных культурных образований, называемых "религиями спасения" (христианство, иудаизм, мусульманство, буддизм, в древности - зороастризм и манихейство). Согласимся, что идея "спасения" определяет весь внутренний строй этих мощных движений сквозь тысячелетия и для миллиардов приверженцев, среди которых все величайшие философы, мистики, учёные, художники. Даже в той культурной среде, которой идея "спасения" чужда (язычество, материализм, все виды неопанизма), *consensus omnium*, т.е. "согласие большинства" усматривает энергетические всплески в тех лицах, которые выдвигаются из своего окружения именно благодаря усиленному вниманию к идее "спасения", выраженной в той или иной форме (как пытающийся завладеть жизнью философский теизм - у Платона, Плотина; как мистифицированная идея политического спасения - Цезарь, крупнейшие Августы, Наполеон, Гитлер и т.п.).

Согласимся, что если бы вопрос о "спасении" ставился таким простым способом, как его поставил ты, и если бы ответ на него был столь лёгким, то ничего подобного в истории мы не наблюдали бы (уж нашлась бы парочка самых умных людей среди всей этой тьмы умников, которые поставили бы те же точки над *i*, которые так легко удалось поставить тебе).

Собственно, рассуждать о спасении вне спасающей стихии религий, а ещё точнее, - вне Церкви, - заведомо никчёмное занятие. В качестве аналогии можно привести (как притчу) такой пример. Некто задумал научиться плавать. Но то ли оттого, что водный бассейн был недоступно далеко, то ли оттого, что боязно было в него погружаться (ведь сначала надо научиться плавать, а потом уже плавать, - так рассуждал этот некто), он приобрёл теоретические пособия по плаванию и учился дома плавать на полу и на специально устроенной скамеечке. Став большим знатоком в этой области, он считал свою жизнь застрахованной от опасностей утонуть. Однажды перевернулась прогулочная лодка, в которой находился теоретик, он оказался в воде и не спасся.

Это так, мимоходом. Но что же всё-таки "спасение"? Откроем Философскую энциклопедию и посмотрим прекрасную статью Аверинцева "Спасение". "Спасение, - начинается статья, - предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла - как морального ("порабощённость греху"), так и физического (смерти и страдания), полным преодолением отчуждения и несвободы. Спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога".

Что ж, содержание понятия передано точно, но мало раскрыто, что объясняется с одной стороны самоочевидностью его, с другой - условиями лапидарности всех статей

энциклопедии. Попробуем немного раскрыть содержание, обратив внимание на два слова (я их подчеркнул): "желание" и "конечная цель". То и другое относится, очевидно, к человеческой жизни. Я желаю чего-то, что выступает как конечная цель моих жизненных усилий, т.е. моей жизни как таковой. В основе всякого желания лежит неудовлетворённость существующим положением. Если я желаю согреться, значит мне холодно. Если я желаю обрести цель жизни, значит я осознаю свою жизнь бесцельной. В обыденном словоупотреблении поиск жизненной цели называется поиском "смысла жизни" (о том, что это законная замена, мы рассудим далее). Вечная проблема: "смысл жизни". Есть ли хоть один человек, который хоть раз в жизни не задавался одним из таких вопросов:

— Есть ли жизнь - бессмыслица, т.е. никчемный процесс естественного рождения, расцветания, увядания и смерти человека, как и всякого другого органического существа? Оправдано ли, имеет ли разумное основание наше настойчиво возникающее самоощущение, что мы родились "не даром"? Что мы призваны осуществить в мире что-то такое, что одновременно было бы и осуществлением самого себя, обнаружением нашего сокровитного "я"? Или всё это только отражение в воспалённом сознании той слепой страсти, которая движет и насекомым, гонит в огонь бабочку (как в индийских мифосозерцаниях или у Шопенгауэра)?

— Можно отмахиваться от этих вопросов, погружаясь с головой в будничные интересы, но жизнь уж так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от них не может никто. Причём, когда эти вопросы встают перед человеком, - это не шутка. Человек ясно сознаёт, что это не "теоретические вопросы", не предмет умственной игры, это вопросы самой жизни: быть или не быть. Вспомним Толстого с его Исповедью или "Странника" Пушкина. А Чехов где-то описывает маленького человека, всю жизнь погружённого в свои дела, интриги, заботы - и вдруг ночью просыпающегося в холодном поту. Что случилось? Ужасное: жизнь прошла, и её при этом небыло, ибо не было в ней смысла.

— Распространена страусова политика в отношении к этому вопросу. Она сводится к "принципиальному" отказу обращать на него внимание, ибо этот вопрос "проклятый и неразрешимый". Совершенно очевидно, что "принципом" отказа здесь выступает не мнимая неразрешимость вопроса, а лень, умственная слабость или нечувствительность к серьёзности проблемы.

— Другое отношение аналогично предыдущему: "живи пока живётся". А если "не живётся"? Ведь в этом-то и вопрос, что "не живётся". Да и не хочу я, чтобы "жилось" само по себе, как у навозного жука. Я хочу жить.

— Так или иначе вопрос стоит, порождает споры, философии, самоубийства, - и тщетны надежды подменить его суррогатом в виде компенсации суетными делами и мыслями.

— Издавна вопрос о смысле жизни (т.е. о спасении) ставился в форме "Что делать?" Это очень интересный в логическом плане вопрос. Наиболее определённый и разумный смысл он имеет, когда ставится предельно конкретно, т.е. когда ищется путь или средство к заранее намеченной цели (Что делать, чтобы добиться богатства? Чтобы завтра не проспать? и т.п.). Но, разумеется, этот смысл вопроса не имеет ничего общего (кроме формы) с тем смыслом, какой в него вкладывал, например, Чернышевский. Здесь уже этот вопрос тождествен с вопросом о смысле жизни. Это не вопрос о средстве к достижению определённой цели, а вопрос о самой цели жизни и деятельности.

— В такой постановке логически вопрос "Что делать?" может иметь два направления:

— а) индивидуальное: "что мне (или нам) делать, какую цель (или ценность) я должен избрать для себя в качестве определяющей мою жизнь?". Здесь молчаливо допускается, что есть некое множество целей и соответствующее ему множество личностей, и речь идёт о том, чтобы каждый (я) попал на надлежащее место первого множества (молодой человек спрашивает: "что мне делать?" в смысле "какую цель мне избрать?: стать врачом, музыкантом или физиком?"). Т.е. это вопрос самопознания, призвания, роли, которую мне

уготовала природа или Провидение. Вне сомнения здесь остаётся наличие самой иерархии целей и их общее содержание. Такой вопрос не приводил ещё к самоубийствам. Интересующий нас вопрос не таков.

— б) универсальное: когда я ставлю вопрос не о том, что мне лично делать, а о том, что нужно делать вообще всем людям. Жизнь, определяемая стихийными силами и процессами, бессмысленна: что нужно делать, как наладить жизнь, чтобы она стала осмысленной, чтобы в ней появилась осознанная цель? Каково то единственное дело, общее для всех людей, которым осмысляется жизнь вообще и моя жизнь в частности?

— В ином выражении: что делать мне и другим, чтобы спасти мир и тем, наконец, оправдать свою жизнь?

— Две предпосылки такого вопроса:

— 1) Мир в его эмпирическом бытии бессмыслен: поток рождений и смертей, страданий, зла, ненависти; всякое простое вхождение в состав этих стихийных сил есть соучастие в бессмысленном хаосе, в силу чего и моя собственная жизнь есть лишь бессмысленный набор слепых внешних случайностей.

— 2) Человек призван сообща преобразить, спасти мир, устроить его так, чтобы его высшая цель была действительно осуществлена в нём.

— И вопрос, т.о. состоит в следующем: "как переделать мир, чтобы осуществить в нём абсолютную правду и абсолютный смысл?"

— Т.о. человек ощущает всем существом, что нужно не "просто жить" (т.е. как щепка уноситься течением времени в бессмысленном водовороте бытия), а жить для чего-то.

Так для чего же? Здесь несколько ответов. Самый распространённый и примитивный: "жить для улучшения политических и социальных условий жизни народа, устранить несовершенный настоящий строй и ввести новый строй, обеспечивающий царство правды и счастья на земле и тем вносящий в жизнь истинный смысл". С какой великой настойчивостью, страстностью и самоотверженностью калечили люди свою и чужую жизнь для достижения этой цели!

Другой, логически родственный первому, ответ: "делать не внешнее дело перестройки мира, а делать внутреннее дело "нравственного совершенствования". Бессмысленность мира можно заменить осмысленностью, если каждый человек будет стараться жить не слепыми страстями, а "разумно", т.е. в согласии с нравственным идеалом. Это толстовство и подобные виды протестантизма. Цель этого "внутреннего дела" та же, что и "внешнего": внесение в мир нового порядка, новых способов жизни, которые "спасают" мир. Часто эти порядки мыслятся чисто эмпирически: вегетарианство, непротивление, земледелие и т.п.

Другие ответы на вопрос "Что делать?" подобны, но менее распространены (новые колдовские религии типа теософии, антропософии, увлечение йогой и т.п.). На чём здесь основано убеждение в возможности спасения мира? Ещё раз взглянем на две предпосылки поставленного вопроса. Если эмпирическая жизнь, как она есть, насквозь бессмысленна, то откуда в ней могут взяться силы к самоисправлению? Одна из предпосылок гласила: такое осмысляющее начало - человек, его стремление к совершенству (гуманизм революционный, нравственный или мистический). Но что такое человек и какое место он занимает в эмпирическом мире? В чём гарантия, что человеческие представления о добре и совершенстве истинны?

Не забудем, что человечество в течение всей своей истории стремилось к совершенству, но не воплотило его в эмпирическую реальность. Почему мы уверены, что мы будем умнее других, и у нас всё получится? Не говоря уже об относительной ценности всех планов "спасения", мы вправе усомниться и в пригодности самого человеческого материала "спасителей" (всех этих Наполеонов, Мао, Толстых, мадам Блаватских и Штейнеров). Как правило, это люди, в своей слепой гордыне безмерно преувеличивающие свои умственные и нравственные силы.

— Но пусть, пусть мечта о всеобщем спасении человеческими силами осуществима. Когда-то все люди будут счастливы, добры и разумны. Ну, а все сошедшие в могилу, для чего все они жили и живут? Для подготовки грядущего блаженства? Но неужели можно признать осмысленной мою роль навоза для будущего поколения? Человек, употребляющий навоз на своём огороде для себя, конечно, поступает осмысленно, разумно, но человек в роли навоза вряд ли может чувствовать себя удовлетворённым и своё бытие осмысленным.

— Ведь мы хотим обрести смысл, присущий нашей собственной, а не какой-то чужой жизни. Жизнь раба, конечно, осмысленна для рабовладельца и для цели его обогащения, но как жизнь для самого раба, носителя живого самосознания, она абсолютно бессмысленна, ибо целиком отдана на служение цели, которая сама в состав его жизни не входит.

— Так неумолимо встаёт дилемма: одно из двух: или жизнь в целом имеет смысл - тогда она должна иметь его в каждое мгновение, для всех поколений и для каждого живого человека, независимо от возможных изменений в будущем; или этого нет, и наша жизнь бессмысленна, и всё гипотетическое грядущее блаженство не в силах искупить её бессмыслицы. Либо смысл есть - раз навсегда! либо его нет - тоже раз навсегда!

— Что до спасения мира человеческими силами, то тут не надо много и размышлять, чтобы понять: Мюнхгаузен не может вытащить себя за волосы из болота. Как часть и соучастник эмпирического мирового бытия, человек не может сделать такого дела, которое спасало бы его и придало смысл его жизни. Т.е. вторая предпосылка вопроса "Что делать?" оказывается насквозь и принципиально бессмысленной.

— Выводим:

— 1) "Смысл жизни" (есть он или нет его) должен мыслиться как вечное начало: всё, что совершается во времени, будучи частью или отрывком эмпирической жизни, не может обосновать её смысла.

— 2) Всякое дело, которое делает человек, есть производное (функция) от человека же; "смысл" же человеческой жизни должен быть чем-то, что не зависит от человека, но напротив, быть тем, от чего сам человек должен отталкиваться в своей деятельности, т.е. быть единой, неизменной, абсолютно-прочной основой его бытия (Дайте мне точку опоры, и я...).

— Запомним эти выводы на дальнейшее.

Все дела человека (и великие, и малые) ничтожны и суетны, если он сам ничтожен, т.е. если его жизнь по существу не имеет смысла. И поэтому, если смысл жизни (если он есть) обязан осмыслить и жизнь и все дела человека, то наоборот, никакое дело не может осмыслить человеческой жизни.

Хлопочет ли человек о богатстве, славе, любви, о куске хлеба на завтра, или он хлопочет о счастье и спасении человечества, - его жизнь одинаково бессмысленна: только в последнем случае к общей бессмыслице присоединяется ещё и лживая иллюзия, искусственный самообман.

Так "Что же делать, чтобы спасти мир и осмыслить свою жизнь?" Единственный разумный ответ: "Ничего, т.к. этот замысел не в силах человека". "Когда же наступит в мире день торжества счастья и смысла?" - "В этом мире? Никогда". Завтрашний день в эмпирическом плане ничем не будет отличаться от сегодняшнего.

— Единственная не иллюзорная постановка вопроса о смысле жизни "Что делать?" сводится не к вопросу о том, как мне спасти мир, а к вопросу, как мне спастись, т.е. приобщиться к началу (если оно дано; а если оно дано, то оно вечно и универсально, как мы уже выяснили), в котором залог спасения моей жизни. "Что делать?" тождественно "Как мне жить истинной (данной) жизнью?"

— Единственное человеческое "дело" только в том и состоит, чтобы вне всяких частных, земных дел искать и найти смысл жизни. Но где и как?

— Об этом в следующий раз.

— Всего хорошего. Сердечный привет Сашуле, Дима.

— Итак, прозвучал главный вопрос - о смысле жизни. Вопрос, от которого я просто отмахнулся в своем трактате об удовольствиях, когда единственный раз и приблизился к тому, чтобы его задать.

— С этого письма наша переписка с Димулей вошла в новое русло, не разбегаясь во многие стороны, как раньше.

Ленинград, 6 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Итак, желание "спасения", порождающее вопрос "что делать?", принципиально находит удовлетворительным лишь такой ответ: "искать и найти смысл жизни", если он вообще есть. С этого мы начали рассуждение, этим и закончили. Единственное положительное, чего мы добились, это констатация двух необходимых свойств истинного, а не мнимого смысла жизни: его вечность и его фундаментальность (принципиальность), т.е. не смысл должен быть производным от моей жизнедеятельности, а моя жизнедеятельность должна быть производной от своей основы (фундамента, принципа), т.е. от своего смысла. Т.е. мы пришли к элементарному положению телеологии о "конечной причине", положению, которое излагается в пособиях по философии в одной строчке. Но мне не хочется идти сухо-формальным путём, хочется намного раскрыть это положение метафизики.

— Чего мы, собственно, ищем? Какой смысл вкладываем мы в само понятие "смысла жизни"? Как всегда, здесь мы понимаем примерно то же, что "разумность". Разумным в относительном смысле мы называем всё целесообразное, правильно ведущее к цели. Но то, что может быть разумным относительно своей цели, в абсолютном смысле может быть неразумным, бессмысленным. Это когда сама известная цель неразумна. Так, человек может разумно стремиться к богатству, но само богатство он не возьмёт с собою в могилу. Тогда его стремление, осмысленное относительно, будет бессмысленным абсолютно.

Но что значит разумная цель? Средство разумно, если оно ведёт к цели. Но ведь цель потому и цель, что она никуда не ведёт, что она - не средство, а потому и не может расцениваться с точки зрения своей целесообразности. На эту трудность обычно указывают, когда говорят о незаконности вопроса о смысле жизни или когда доказывают необходимую бессмысленность жизни. Ведь жизнь вне себя не имеет никакой цели. "Жизнь для жизни мне дана". Поэтому о "смысле" жизни вопрос нелеп.

Разумеется, это пустой софизм. Он меня не утешает. Реальным фактом остаётся то, что не я, не мой ум ставит себе этот вопрос о смысле жизни, а он сам как бы неотвязно стоит перед моей душой.

Очевидно, что наша жизнь, простой стихийный процесс изживания её и сознание этого факта, вовсе не есть для нас "самоцель". Здесь ядро софизма. На самом деле мы не живём для жизни; мы всегда - хотим того или нет - живём для чего-то. Но только в большинстве случаев это что-то, будучи целью жизненного устремления, по своему содержанию есть в свою очередь средство для сохранения жизни. Отсюда беличье колесо, заколдованный круг. Мы живём, чтобы трудиться над чем-то, а трудимся и заботимся, чтобы жить. И в этом кругу мы ищем "смысл жизни", т.е. дела, которое бы не было направлено на простое сохранение жизни, и жизни, которая не тратилась бы просто на

труд её сохранения.

—Итак, жизнь наша осмысленна, когда она служит разумной цели, содержанием которой не может быть сама эта эмпирическая жизнь, но ещё раз, что же такое - разумность цели? Выяснено, что разумность её не может состоять в том, что она есть средство для чего-то, т.к. тогда она не была бы подлинной, конечной целью. Тогда - единственный логический выход - эта цель должна быть разумной безотносительно, как таковая, сама в себе, абсолютно. Т.е. эта цель есть такая бесспорная самодовлеющая ценность, о которой уже бессмыслен (да и не может возникнуть) вопрос "для чего?".

—Итак, чтобы быть осмысленной, наша жизнь (вопреки уверениям поклонников "жизни для жизни" и в полном согласии с неистребимым требованием нашей души) должна быть служением высшему, абсолютному благу.

—Этого мало. Вспомним раба и хозяина. Если бы наша жизнь была служением какому-то, пусть абсолютному, благу, которое, однако, не было бы благом для нас, то для нас жизнь оставалась бы всё же бессмысленной. Возьмём, например, этику Гегеля. В ней человеческая жизнь должна обретать смысл как проявление и орудие саморазвития абсолютного духа. Белинский когда-то по этому поводу сказал: "так это я, значит, не для себя самого познаю и живу, а для развития какого-то абсолютного духа? Стану я для него трудиться!"

—Т.о. интересующее нас благо должно быть одновременно самодовлеющим благом (превышающим мои личные интересы, безотносительно ко мне) и благом для меня, т.е. благом в объективном и субъективном смысле. Одно лишь объективное благо, существующее само по себе и не согревающее моей жизни, меня не удовлетворяет. Но и субъективное благо, наслаждение, радость, счастье - тоже не дарует мне смысла, т.к. всякая, даже счастливая жизнь ставит передо мной неизбежный вопрос "для чего?"

—Единственный выход из противоречия: субъективное и объективное благо должны быть погашены в своей абстрактной разъединённости, должно быть их единство. Мы стремимся к самодовлеюще-счастливой жизни, что и называем своим спасением.

—Объединим наши размышления. Высшая цель моей жизни (как процесса) должна быть ничем иным, как моей жизнью (но уже не как бессмысленным процессом и вечным стремлением к чему-то иному), жизнью в вечном и неизменном в себе покое блаженства. Эмпирическая жизнь с её краткостью, со всеми невзгодами и стремлением к чему-то вне её находящемуся, не может быть самоцелью; условие осмысленности жизни, как мы видели, состоит именно в том, чтобы мы прекратили погоню за этой эмпирической жизнью и отдали её на служение чему-то высшему, объективному, оправданному в себе. Но это высшее в свою очередь должно быть жизнью, в которую вольётся моя жизнь, объективное будет моей субъективной жизнью. Жизнь во благе или благая жизнь или благо как жизнь, - всё это в Евангелиях называется жизнью вечной или Царством небесным.

—Абсолютная противоположность всякой разумной жизненной цели есть смерть, небытие. Искомое же благо не может быть только "идеалом", чем-то бесплотным, оно должно быть живым бытием, удовлетворяющим всем стремлениям моего существа. Только такой "смысл жизни" я могу признать истинным.

—Конкретный пример, подобный этому благу, мы имеем в любви. Когда мы любим, что нас удовлетворяет? Если мы желаем лишь вкушения личных радостей, - это не любовь, и скоро наступит пресыщение. Если мы хотим отдать свою жизнь на служение любимому существу, то, разумеется, не на рабское служение, но именно потому, что это служение приносит нам радость и нашей жизни относительную полноту. Чтобы выразить благо любви, понятий объективного и субъективного блага явно недостаточно. Оно выше того и другого. Здесь благо жизни именно в преодолении этой противоположности.

—Но ясно, что любовь на земле не даёт подлинного, последнего смысла жизни. Ясно, что абсолютное благо должно быть вечным. Ибо если мы в качестве его помыслим какое-

либо временное состояние (земной любви), немедленно встанет вопрос о его собственном смысле. Всё, имеющее начало и конец, не может быть самоцелью, имеет смысл лишь как средство. Это уже выяснялось.

— Искомая полная и обоснованная жизнь должна быть вечной жизнью. Вечным должно быть благо, к которому я стремлюсь. Но если я надеюсь лишь достичь его в будущем (как цель), то всё прошлое и настоящее моей жизни не охвачено этим благом, т.е.

бессмысленно. Т.о. благо - цель должно быть одновременно и благом - основой всей моей жизни, что мы уже тоже выяснили, когда пытались разобраться в вопросе "что делать?".

— Но моя жизнь коротка. Значит это вечное благо всё же недостижимо для меня в своей вечности? Я могу, конечно, мысленно уловить его. Но мало ли что мне взбредёт в голову! Ведь если бы мысленное обладание было подлинным обладанием, мы давно были бы все богаты, здоровы и т.п.

— Итак, я должен подлинно обладать этим благом в вечности, иначе моя жизнь по-прежнему бессмысленна, я лишь мимолётно прикоснусь к этому осмысляющему благу, не буду его соучастником. Но ведь мы начали все рассуждения именно с поиска смысла моей жизни. Предполагаемое благо, вечный смысл должен быть смыслом именно моей жизни, быть вполне слитым с нею, быть самой этой жизнью (не с эмпирической её природой, а с её последней глубиной и сущностью). Живое благо или благо, как жизнь, должно быть вечной жизнью, и эта вечная жизнь должна быть моей личной жизнью.

— Вдумываясь ещё глубже в условие осмысленности моей жизни, я замечаю, что мне недостаточно фактически служить высшему благу, но я должен также непрерывно разумно сознавать это служение. Если я бессознательно участвую в каком-либо служении, то пусть даже это благо всячески обогащает меня, я не буду этого сознавать, т.е. не буду иметь осмысленной жизни. Причём, это сознание не должно быть случайным, условным, зависящим от меня. Мы лишь тогда подлинно обладаем "осмысленной жизнью", когда не мы по нашей собственной человеческой воле и нашими собственными усилиями "сознаём" её, а когда она сама сознаёт себя в нас. Т.е. наше совершенное и удовлетворительное единство с абсолютным благом будет лишь тогда, когда мы не только обогащены этим совершенным благом, но и озарены им.

— Иначе говоря, это благо должно не только объективно быть истинным (объективно обогащать меня), и не только восприниматься мною как истинное (условно осознаваться, в случае чего не исключается возможность сомнений в нём и забвения его), но оно само должно быть самой Истиной (быть безусловным, независимым от меня и озаряющим меня светом знания).

— Итак, жизнь становится осмысленной, поскольку она сознательно и свободно служит абсолютному благу, которое есть вечная жизнь, животворящая человеческую жизнь, как её вечная основа и завершение. Эта вечная жизнь есть вместе с тем абсолютная истина, свет разума, озаряющий человеческую жизнь. Жизнь наша осмысляется, поскольку она есть разумный путь к цели, или путь к разумной цели, иначе она есть бессмысленное блуждание. Но таким истинным путём для нашей жизни может быть лишь то, что вместе с тем само есть Жизнь и Истина.

— "Аз есмь Путь, Истина и Жизнь", - величайшие слова Христа.

Непреложный вывод из всего прежнего: Для того, чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога (абсолютного блага) и наша собственная причастность Ему, т.е. наша жизнь в Боге.

Вне Бога и без Него жизнь не имеет удовлетворительного содержания, она бессмысленна. Это, в общем-то, само собой разумеется, и обыкновенно явно или молчаливо всеми признаётся, если не считать случаев пустого, демагогического отрицания этого бесспорного положения идеологами, преследующими корыстные тленные цели.

— Но одно дело признание факта бессмысленности внерелигиозной жизни, и другое дело признание самой религиозной жизни. От желательности Бога до реальности Бога ещё далеко. И вот появляются "смелые" мыслители, которые "честно и мужественно" глядят в лицо факту бессмысленности и стихийности жизни и не прячутся трусливо от этого факта, предавшись мечтам о неосуществимой осмысленности жизни. Религия, - утверждают они, - это самообман трусливых душ, утешающих себя ложью, чтобы не погибнуть от ужаса перед неприглядной правдой жизни.

— Так мне в своё время писал Юра Равич. При этом, разумеется, в гордой уверенности в непогрешимости своего суждения отбрасывается как пустой и несущественный исторический опыт всех стран и народов. Все, все были трусами и самообманщиками. Пришёл Я, Равич, имеющий несколько подобных мне единомышленников. Я - один из пионеров сверкающей истины бессмыслицы, я - пионер смелости, я не прячусь никуда. Вот я - бессмыслен, как и все вы. Смотрите и радуйтесь, а если вам не радостно, тем хуже для вас.

— Всё это от примитивного чванства, разумеется, но всё-таки можно ли рационально нащупать выход из тупика? Можно ли, не прибегая к тому, что в атеистических кругах называется "слепой верой", т.е. к бессмысленному доверию к неочевидному, осознать выполнимость двух найденных условия осмысленной жизни?

— Новый вопрос и легче и сложнее первого. Легче в формальном плане. Но сложнее, т.к. здесь из области формальной логики в элементарной феноменологии мы переходим в область логических операций с онтологическим материалом, в сферу экзистенциального.

— Посмотрим, что получится. Но в другой раз.

— Всего хорошего, твой Дима.

— Я воспринял это письмо как конгломерат сведений, большая часть которых казалась бесспорной, меньшая - непонятной: что значит "озарение", например, чем оно отличается от осознания собственными усилиями? В чём разница: меня озарило (осенило) или я додумался? Бывает, долго и бесплодно размышляешь над чем-то, что не понимаешь, и вдруг - скачок: осенило, понял! Разве здесь обходится без "собственных усилий"?

— В целом же это письмо произвело на меня впечатление мощнейшей, захватывающей лавины, осмыслить которую с ходу невозможно. Ответ же я написал сразу, по горячим следам, как и все наши письма. Он не являлся плодом глубоких и длительных размышлений, а, напротив, был спонтанным и, соответственно, вполне отражавшим мои не продуманные, а, скорее, интуитивные представления по поставленному вопросу о "смысле жизни", которые я до сих пор не пытался в сущности формулировать, ибо, повторяю, в когдатошной тетрадке про удовольствия я просто отмахнулся от этого вопроса (а точнее, постулировал (см. раздел 123, стр. 312): "что известный нам мир в целом не является продуктом чьей-либо сознательной деятельности", что эквивалентно тому, "что мир просто-напросто вообще не устроен, поскольку нет причины его существования", а отсюда уж следовало, что "коли у мира нет причины, так и у каждого человека нет цели и смысла жизни помимо тех, которые он сам себе выбирает". То есть я постулировал отсутствие того "смысла жизни", о котором ведёт речь Димуля. Правда, именно постулировал, не претендуя на доказательность, истинность этого утверждения.). Копию своего ответа я "на всякий случай" сохранил. Вот - он.

Калининград, около 10 декабря 1978 г.

Добрый день, Димуля!

— Вопрос о смысле жизни безусловно есть главнейший вопрос мировоззрения. Согласен с тобой в том, что ответ "смысл жизни в самой (эмпирической) жизни" - не ответ.

Средство, конечно, не может быть целью. Или у жизни есть смысл (т.е. у жизненного процесса - разумная цель), и тогда я не представляю себе, как обойтись в дальнейших размышлениях без понятия Бога. Признание существования смысла жизни открывает заманчивые просторы для поиска этого смысла; многие искали, многие, быть может, нашли. Не скрою, желал бы быть в их числе, или же смысла жизни нет, что, по крайней мере, грустно. Смелость Равича, который принимает второй вариант и при этом не пугается, не является, конечно, доказательством его правоты. Ну, смел и молодец! Дальше что? Я склонен к первой точке зрения, но, каюсь, абсолютной убеждённости у меня нет. —Далее. Вопрос о смысле моей жизни я понимаю как часть вопроса о смысле разумной жизни вообще - смысле жизни человечества, вне которой я не могу представить своего существования. Я могу принять, что существует смысл и цель жизни всего человечества, и эта цель есть его "абсолютное благо, которое есть вечная жизнь", но это ещё не означает, на мой взгляд, что смысл моей жизни в достижении моего "вечного блага". Допустим, я дорожу своей шевелюрой и, чтобы она дольше служила мне и была красивой, подстригаю её или даже вырываю отдельные волоски. Если бы они обладали чувствами и сознанием, то, конечно, страдали бы и недоумевали: за что? Почему меня вырвали, ведь я не хуже других и тоже хочу жить, расти на этой голове?! Мне пришлось бы ответить: "Увы, дорогой, ты погиб для блага всей шевелюры". При лечении некоторых кожных заболеваний головы (например, стригущего лишая) голову облучают рентгеном, чтобы выпали волосы - так вся шевелюра становится жертвой блага головы.

—Не так ли и личности?

—Главное отличие, что у человека есть принципиальная возможность (наличие сознания) синтезировать своё и общее благо. Я могу сознательно жить, рассматривая себя как частичку (рождающуюся и умирающую клетку) организма - человечества, цель которого его "вечное благо", и служить этой цели в меру моего понимания и умения. При этом у меня возникает ощущение своего личного "блага", но, увы! не вечного.

—Такой синтез, конечно, не является полным: общее благо вечное, а моё - нет. Ты даже можешь сказать: "Ну, вот, начнём всё сначала". Но я, честно, не уловил из твоего письма, почему "... эта вечная жизнь должна (подчёркнуто мной) быть моей личной жизнью". Как я понял, ты считаешь, что в противном случае моя жизнь бессмысленна ("... я должен подлинно обладать этим благом в вечности, иначе моя жизнь по-прежнему бессмысленна"). Создаётся ощущение, что ты это постулируешь. Для меня это во всяком случае не очевидно. Мне кажется, что желать личной вечной жизни равносильно желанию стать Богом.

—Всего наилучшего, твой Саша.

—Оставляю без комментариев это своё послание - небрежный плод недостаточно внимательного вслушивания (вчитывания) в то, что говорит собеседник. О комментариях позаботился Димуля, ему и слово.

Ленинград, 14 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

—Спасибо за письмо и поздравление. День рождения мой принёс мне столько всяких поздравлений и незаслуженных ласк, что неминуема была уравнивающая расплата, которая и пришла в виде болезни. Сажу дома с температурой. Написал уже давно тебе продолжение прежних писем, но не выбраться из дома, чтобы отправить. И хорошо, потому что, как я ни старался, видишь, в моих письмах для тебя оказалось что-то спорное. Жаль, что я не имею их перед глазами, чтобы проследить, где там то логическое звено,

которое оказалось непонятным. Может быть, если ты внимательно прочитаешь ещё раз, недоразумение рассеется.

— Для разъяснения непонятного буду отталкиваться от твоего письма. Цитирую.

— Речь о волоске и шевелюре. "Я могу сознательно жить, рассматривая себя как частичку организма - человечества, цель которого - его "вечное благо", и служить этой цели в меру моего понимания и умения. При этом у меня возникает ощущение своего личного "блага", но, увы!, не вечного. Такой синтез, конечно, не является полным: общее благо вечное, а моё - нет".

— Наспех проанализируем это размышление.

— 1) Вопрос: в чём вечное "благо" человечества-шевелюры? Ведь чтобы жить и сознательно участвовать в стремлении к общей цели, я должен сознавать эту цель, она должна быть мною осмысленной, моим смыслом.

— 2) Ответ: а) Это "вечное самосохранение" человечества-шевелюры. Продление его, по возможности благоденственного эмпирического бытия до $t = +\infty$. Однако, не говоря уже о том, что ход дел в эмпирическом мире не позволяет мне делать таких предположений о нетленности рода человеческого, я вправе задаться и таким вопросом: "Милые мои, да зачем вообще эта шевелюра?" И ответа на этот вопрос не последует.

б) Его "вечное благо" такое, что о нём нельзя конкретно сказать, что оно такое. Благо - и всё тут. Абсолютная, объективная, разумная цель, осмысляющая жизнь человечества. Цель, не подверженная временному колебанию и тленности, т.е. вечная: иначе я задал бы вопрос: "а для чего она? куда она ведёт?"

Такой цели в эмпирической жизни мы не видим. Поэтому нам приходится её постулировать. Не "вечность" постулировать, а самоё цель постулировать. Вечность же вытекает логически из такого постулата.

3) Цель - благо шевелюры мы постулировали. Остаётся выяснить отношение этого блага ко мне - волоску. Ведь вопрос-то стоял о смысле моей жизни, а не о смысле жизни дяди Вани или даже всего человечества.

4) Ответ: Ответ частично ты уже даёшь. "Я могу сознательно жить ... и служить этой цели в меру моего понимания и умения. При этом у меня возникает ощущение..."

Итак, осмысленность моей жизни зависит при поставленных условиях гипотетической общечеловеческой цели от следующих факторов, т.е. является функцией 1) того, могу я сознательно жить и служить или не могу, 2) даже если могу, смысл моей жизни будет зависеть от меры моего понимания и умения.

Но что же это за смысл жизни, который зависит от столь случайных, тленных эмпирических факторов?

Лично моей меры понимания явно не хватает, и я, как Базаров из "Отцов и детей" по своему эгоизму говорю: "какое мне дело до того, что мужик будет счастлив, когда из меня самого будет лопух расти?"

Нет, общего блага мне явно недостаточно, если оно не будет в то же время моим, личным моим благом, не зависимым от случайностей, моих ограниченных возможностей и способностей, вообще не зависимым ни от чего в эмпирическом преходящем мире, т.е. если оно не будет "вечным" благом (ты, как физик, конечно, понимаешь, что "вечность" - не значит протяжённость во времени от $t = -\infty$, до $t = +\infty$; напротив, это полная независимость от времени).

— Вот при таких условиях это "общее благо" шевелюры будет, конечно, и "индивидуальным благом" волоска.

— Но, если ты перечитаешь внимательно моё письмо, то увидишь, что постулировал я не "общее благо", а моё личное благо - цель. "Вечность" и "общность" уже вытекали как следствие из этого постулата.

— Я постулировал наличие "смысла моей жизни". Т.е. написал: "предположим, что моя жизнь имеет смысл". После этого я попытался, используя элементарную логику, не

претендуя ни на малейшую оригинальность, т.к. этот вывод существует уже тысячелетия и до сих пор не оспаривался ни одним человеком в мире (даже материалистом: материалист оспорит постулат, а не выводы из него), я попытался показать свойства гипотетического "смысла жизни". Если он есть, то он должен быть ("должен", которое ты подчеркнул, я употребляю не в аффирмативном, т.е. утвердительном смысле, а в гипотетическом, т.е. условном смысле), он должен быть 1) смыслом нетленным, т.е. вечным (иначе я задался бы вопросом: а зачем всё это?); 2) абсолютным, т.е. не зависимым от эмпирического мира, в том числе от меня; 3) должен принадлежать мне, быть слитым с моей жизнью; 4) должен быть аргументом (основой), а не функцией (зависимой надстройкой) моей жизни; 5) быть разумным смыслом, но не зависеть от моего разума, т.е. должен быть открывающей мне себя Истиной; ... может быть, я ещё какие-нибудь свойства перечислял. Не помню.

—Итак я ещё раз настоятельно подчёркиваю, что я не ввожу постулата "вечности" моего смысла жизни - блага, осмысляющего мою жизнь. "Вечность" вытекает из постулата о благе. А то, что это моё благо, - конечно, часть постулата, предваряющее постулат предложение. Постулат: "Предположим, что есть смысл моей жизни, или моя жизнь обладает предельным, желательным благом".

—Я вижу, тебя смущает выражение "я должен подлинно обладать этим благом в вечности". Ну, а как же при нашем-то постулате?

—Всё временное, всё, имеющее начало и конец, не может быть самоцелью, не мыслимо, как нечто самодовлеющее: либо оно нужно для чего-то иного - имеет смысл, как средство, - либо же оно бессмысленно. Ведь поток времени, это пёстрая смена одних картин другими, это выплывание неведомо откуда и исчезновение неведомо куда, эта охваченность беспокойством непрерывного движения и делает всё на свете "суетным", бессмысленным. Само время есть как бы выражение мировой бессмыслицы. Искомая нами объективно полная и обоснованная жизнь не может быть этим беспокойством, этим суетливым переходом от одного к другому. Она должна не зависеть от мирового течения времени, т.е. быть вечной жизнью. Вечным, в себе неколебимо утверждённым, возвышающимся над временной неустойчивостью должно быть то абсолютное благо, служением которому осмысляется наша жизнь.

—Но не только для себя оно должно быть вечным; оно должно быть таковым и для меня. Если оно для меня только цель, которую я достигаю или стремлюсь достичь в будущем, то всё прошлое и настоящее моей жизни, удалённое от него, тем самым не оправдано и не осмысленно; оно должно быть такой целью, которая есть вместе с тем пребывающая (а не преходящая) основа моей жизни. Я стремлюсь к нему, но не как к далёкому, чуждому моему "я" постороннему предмету, а как к заложенному в самом мне началу; только тогда моя жизнь от начала и до конца согрета, озарена и потому "осмысленна" им. Но и этого мало. Так как я написал "от начала и до конца", т.е. моя жизнь имеет начало и конец (эмпирические) и тем себя исчерпывает, это вечное благо для меня остаётся недостижимым в своей сверхэмпирической "вечности". И моя жизнь по-прежнему лишена смысла, я лишь прикасаюсь к какому-то благу и вправе задать вопрос: "зачем?". Мы приходим к противоречию с постулатом: "моя жизнь имеет смысл", исключаяющим всякий вопрос "зачем?". Чтобы удовлетворить постулату, мне необходимо положить, что я подлинно должен обладать всем благом в его сверхэмпирической вечности.

—Но ведь моя собственная жизнь должна иметь смысл: не будучи самоцелью, она всё же в своей глубине должна не только стремиться к благу, не только пользоваться им, но быть слитой с ним, быть им самим. Бесконечно превышая мою ограниченную эмпирическую личность и краткое временное её течение, будучи вечным, всеобъемлющим и всеозаряющим началом, оно должно вместе с тем принадлежать мне; и я должен обладать им, а не только к нему стремиться или его прикасаться. Следовательно, в ином

смысле, оно должно быть тождественно с моей жизнью - не с эмпирической её природой (от $t = a$ до $t = b$), а с моей сверхэмпирической жизнью. (Пойми же ты верно: это не доказательство вечности моей жизни. Напротив, ты тысячу раз будешь прав, усомнившись в вечности моей жизни. Это вывод из ничем пока не подтверждённого предположения о наличии "смысла жизни".)

—Итак, *если* осмысляющее мою эмпирическую жизнь благо существует, то оно должно быть живым благом, должно быть сверхэмпирической вечной жизнью, и эта сверхэмпирическая вечная жизнь должна быть моей личной жизнью. Моя жизнь (от $t = a$ до $t = b$) может быть осмыслена тогда и только тогда, когда она обладает сверхэмпирической вечностью.

—Очень прошу понять это. Здесь нет ни слова о наличии вечности, сверхэмпирии, Истины и т.п. Здесь есть одна лишь гипотеза о наличии смысла жизни, развившаяся в гипотетическую теорию о необходимости наличия вечности, сверхэмпирии, истины, иными словами - Бога для того, чтобы гипотеза о "смысле жизни" имела смысл.

Это логически безукоризненно. Каким бы путём доказательства ты не шёл, одна лишь идея (в смысле - гипотеза) Бога логически необходимо приводит к утверждению другой идеи (гипотезы) о "бессмертии души" (я здесь намеренно уклонялся от этих малоопределённых, избитых терминов). Нет нужды делать десятки ссылок на разные доказательства (от Аристотеля до Гегеля) - поверь мне на слово. А лучше просто рассмотри то, что я тебе предложил.

Пока воздержусь высылать следующее (точнее предыдущее) письмо, - разберись с этим.

Всего тебе хорошего, целую, Дима.

—Ленинград, 15 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

Сегодня выбрался поневоле из дому для того, чтобы сдать очередной экзамен по Конституции.

Предваряя отправление уже написанных писем, пишу ещё раз. Да, ты прав, указывая на неконструктивность позиции типа той, которую провозгласил Равич.

Да и вообще нетрудно заметить, что мировоззренческая позиция материалистов и атеистов отличается неконструктивностью из-за своей никому не интересной неинформативности. Теисты и атеисты пребывают в слишком неравноценной логической атмосфере. И в самом деле:

- теист говорит: Бог есть. - "Почему?" - Потому-то и потому-то (высказывает внутренне непротиворечивую теорию);

- атеист говорит: Бога нет. - "Почему?" - Потому-то и потому-то (высказывает теорию, в которой противоречия бьют в глаза).

Арбитр говорит: Да, наличие явных противоречий в теории атеиста склоняет меня в пользу теиста, но с абсолютной уверенностью я не могу это сделать, т.к. формальная логика - слишком бесплотная вещь, чтобы на неё опереться. Мне нужны материально-аксиоматические свидетельства.

Теист: Из внешних свидетельств я могу представить множество исторических документов, исторически зафиксированные чудеса, исполненную удивительных и явных всем феноменов жизнь святых; наконец, универсальную всеобщность моего утверждения.

Атеист: Молчит.

Арбитр: Документы - очень ценно. Лично у меня нет сомнений в их правдивости. На

это мне указывает моё элементарное филологическое и историческое чутьё. Что до чудес, то вы, как верующий, сами должны знать, что чудеса ещё никогда и никого не могли заставить уверовать. Гораздо ценнее - свидетельство святых и, скажем, мучеников.

Немыслимо практически, чтобы люди добровольно давали сдирать с себя кожу живьём за Критику чистого разума Канта или за Материализм и эмпириокритицизм. И всё же в полноте показаний для окончательного решения мне что-то недостаёт. Почему всё-таки вы утверждаете, что "Бог есть", - только не прибегайте к сложным умозаключениям?

— Теист: Потому что я Его знаю, т.е. я Его "вижу" духовным зрением.

— Арбитр: А вы почему полагаете, что "Бога нет"?

— Атеист: Потому что я Его не знаю, т.е. я Его не вижу ни телесными, ни "умными" очами.

— Арбитр: Совершенно не прегрешая против третьей честности я могу сказать только одно. Позиция атеиста незавидна, ибо она в своей абсолютной отрицательности никому не несёт никакой информации. Если мне говорят: "я не знаю, живёт ли в Счастливой Аравии птица феникс", то такое высказывание несёт в себе для меня практически нулевую информацию. "Не знаешь, - ну и что из того?" Если мне говорят: "я знаю, что в Счастливой Аравии живёт птица феникс", то это сообщение глубоко информативно, и если оно затронуло мои интересы, я начну расспрашивать и стараться получить дополнительную информацию. Это интересно, а то - нет.

— Это верно. С атеистами, как правило, очень скучно вести беседу. То, что они знают, знают и теисты. А тот богатейший мир, который открыт теисту, атеисту неведом.

— В Евангелии это называется присутствием или отсутствием "нищеты духовной". "Блаженства" Нагорной проповеди Христа у Матфея открываются первым и важнейшим из "блаженств": "Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное". "Царство Небесное", - т.е. то состояние спасения, абсолютной укоренённости в осмысленном и целесообразном бытии, о котором мы говорили. "Блаженны", - т.е. предельно счастливы, облагодатствованы. Но для этого состояния надо быть "нищим духом". Понятно, что в эмпирическом мире смысла жизни (Царства Небесного) не найти. Здесь мы все "бедны духом", пока не обретаем этого "духовного", сверхэмпирического богатства смысла жизни. Но "бедность" может быть тройкого рода.

— Одни будут в своей духовной бедности жить как свиньи возле своего корыта: "Да, я бессмыслен. Но я этим вполне удовлетворён. Мне этого хватает". Такая свинья, даже если встретит жемчужину Царства, тотчас её растопчет, ибо не ведаёт её цены.

— Другие будут сознавать свою бедность как недостаток, но, найдя какую-нибудь поддельную жемчужину в эмпирическом мире, ослеплённые ею, обменяют Царство на чечевичную похлёбку, и будут считать себя уже не бедными, а обогатёнными. Это незадачливая гордость "богатых духом" революционеров, моралистов, гуманистов.

— Третьи будут тяготиться отсутствием смысла, как тяжким лишением, и, отчаявшись обрести этот жемчуг в эмпирическом мире, пойдут как нищие с протянутой рукой. Никто не подаст мне мой единственно важный насущный хлеб, то и погибну от духовного голода. Вот эти-то "нищие духом" и получают Царство, жемчужину, Смысл, Логос, Слово ("не хлебом единым жив человек, но всяким Словом, исходящим из уст Божиих").

— Так каждое слово Евангелий открывает свой многогранный, удивительный смысл. Драгоценная, божественная книга. Немыслимо, чтобы она была плодом человеческого ума.

— Слепая вера. Господи, какая чепуха. Здесь происходит словесная путаница. Говорят о религиозном понятии "вера". Но вкладывают в это слово смысл бытового понятия веры. Например, муж, возвращаясь из командировки, говорит своей жене: "Я верю, что в моё отсутствие ты вела себя достойно". Если не смотреть на тонкости, бытовое понятие веры: вера - доверие неочевидному. Религиозное понятие веры: вера - уверенность в очевидном (для меня очевидном). "Я знаю и вижу" - говорит верующий. "Я не знаю и не вижу", -

говорит неверующий. Так кто же слеп? Тот, кто видит, или тот, кто не видит? Скорее последний. Можно в каком-то смысле говорить о слепом неверии, но никак уж не о слепой вере.

— В атеистическом мире бытует много фантастических и бессмысленных представлений о религии. В религиозном мире атеистический мир оценивается трезво и объективно, т.к. опыт безбожия дан и верующему.

— К вопросу о волоске и шевелюре. Мне показалось также, что ты не только недопонял вопрос о гипотетической вечности, но и о логическом соотношении личного (субъективного) и всеобщего (объективного) абсолютного блага. Чтобы развеять всякие возможные недоумения, пишу ещё раз:

— Конечно, поскольку предполагаемое благо совершенно, т.е. безотносительно, то для него вопрос о первичности или вторичности личного его аспекта перед универсальным сам собой снимается. Но для моего хода мысли характерен был как раз примат личного аспекта этого блага. Это я ищу смысла моей жизни. Как же отсюда следует, что мой гипотетический смысл будет одновременно смыслом всечеловеческим и даже всекошачьим и вообще всекосмическим?

— Да очень понятно почему. Человек - часть эмпирического космоса, и время от времени в нём может (как ты писал) возникать в той или иной мере чувство неразрывного единства с окружающей природой просто потому, что он - та же природа. Это ясно.

— В силу этого, даже если я обрету своё личное благо, оно будет абсолютным только в том случае, если не будет отравлено зависящим от моего же эмпирического существа вопросом: Почему одни должны страдать и умирать во тьме, а другие наслаждаться светом добра и счастья? Для чего мир так бессмысленно устроен? Пока я не отвечу себе - для чего? - не только мир останется бессмысленным для меня, но и моё блаженство будет блаженством для меня лишь в той мере, в какой я, как животное, смогу наслаждаться настоящим, забыв о своей связи с прошлым. Для мыслящего существа именно потому это личное гипотетическое блаженство будет относительным, что оно будет время от времени отравляться скорбью о прошлом и будущем зле и страдании других существ, отравляться недоумением относительно смысла всеобщей эмпирической жизни.

Неизбежный вывод. Моё субъективное благо в силу моей человеческой природы будет обладать достоинством абсолютного смысла только тогда, когда оно способно будет стать осмысляющим благом для всего мира в целом.

Если жизнь имеет смысл, то она должна иметь его в каждое своё мгновение, для каждого поколения людей, для каждого живого человека, сейчас, сию же минуту, совершенно независимо от возможных изменений в эмпирическом мире.

— В надежде, что теперь недоумения развеяны и что я могу продолжать дальше (по возможности)

— Целую, Дима.

— P.S. Собственно, всё это словоблудие излишне, когда мы употребляем слово "абсолютный" (смысл) или "совершенный". Логически это уже несёт в себе и субъективность, и объективность, и вечность, и всеобщность и самодовлеющую разумность.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)